

Красная гора — 1928 — Умарта

ТЕАТР.

И. Н. Певцов.

Я давно знаю И. Н. Певцова, часто видел его и в жизни, и в театре, однако я все же не знаю ни его биографии, ни большей части сторон его личности и его творчества. Поэтому я могу поделиться здесь только несколькими мыслями, которые вызывает во мне его художественный облик.

Наряду с признанием большой творческой силы Певцова, выразившейся и в создании шекспировских образов (Лир, Отелло), об этом артисте распространено и, можно сказать, даже утвердилось мнение, как о таланте несколько больном. Совершенно не касаясь того, находится ли эта характеристика в соответствии с какими-нибудь личными, так сказать, физиологическими чертами Певцова как человека, — не приходится отрицать, что черты известной болезненности в его таланте, несомненно, имеются. Он как раз выбирает и особенно любит такие роли, в которых невращения или, вернее, очень сложная истерия играет доминирующую роль. Из сценических фигур, сравнительно незначительных (капр., в пьесе Андреева «Собачий вальс»), Певцов делает яркие и мучительные образы, особенно в тех случаях, когда необходимо подчеркнуть чрезвычайную раздвоенность, можно сказать расщепленность личности.

Певцова не столько интересует создание монументального и внутренне единого облика, как именно отражение таких фигур, которые носят в себе как бы нескольких людей. Вот почему Павел — зверь, мистик, сентиментальный любовник, ежеминутно перемещающийся из одного психологического состояния в другое, так излюблен Певцовым и находится в нем такого неслыханного исполнителя.

Это и заставляет поставить тот общий вопрос, на который наталкивает нас вся творческая фигура Певцова: такого рода болезненность не является ли минутом для актера современности? Ведь мы, как будто бы, вступили в полосу, когда люди крепнут или, по крайней мере, должны крепнуть, когда они закаляются, когда их воля выпрямляется, когда сама жизнь «дробит стекло и кует булат». При этих условиях нам, как будто бы, в первую очередь нужны актеры, умеющие изображать целеустремленные, массивные, внутренне целостные фигуры.

Такое суждение было бы до крайности поверхностно. Наше время есть время огромной внутренней перестройки человека. Почти во всем народе происходит сейчас перерождение сознания. Недаром Лисния говорил о присущей нам всем обломовщине. Действительно, Обломов

не только типичнейший барин, он типичен и для чиновника, и для купца, и даже для старого типа фабричного (так, как он описан Успенским в «Нравах Растверяевой улицы»), типичен для русского крестьянина, каким он изображен, например, в гениальном рассказе Короленко «Река играет». Между этой всеобщей обломовщиной и электро-металлическим строительством, которое нам сейчас предстоит, лежит гигантская пропасть. Между партикуляризмом, жизнью внутри себя, мечтательностью, самокопанием и широко открытой общественностью, к которой зовет действительность, — сплечь-таки разверзается бездна. Типичный русский большевик эту бездну перепрыгнет. Он, поскольку я говорю о типичных, абсолютно разрушит легенду об Обломове, как о национальном типе (легенду, которую построил и на которой настаивал Овсянников-Куликовский). Обломовщина — не национальная черта, а черта культивированная, она соответствует деревенской полуфеодальной России, она уже распалась в значительной мере с ростом капитализма у нас и она должна быть в корне и окончательно разбита ростом социализма. Но это происходит не без мук, и на-первых порах самые требования революции для очень и очень многих являются новым источником раздвоения.

Нам нужно не только изображение терзаний, внутренних колебаний и множественности душевной, (которая присуща, в особенности, нашему интеллигенту) в прошлом, но нам очень нужно изображение подобных душевных состояний и в настоящем. Не для того, чтобы ими любоваться, — об этом речи не может быть (а это было в русской литературе), — и не для того, чтобы над ними хихикать, а для того, чтобы такой душевный строй как можно скорее преодолеть. Отрицать же, что у нас имеются тысячи и тысячи разочарованных или неприспособленных, отрицать много-сложность внутренних драм, совершающихся сейчас в сознании, быть может, многих миллионов людей, — значило бы закрывать глаза на действительность.

Вот почему огромный талант Певцова даже в самой своей болезненности, т. е. в необычайно чутком умении раскрыть перед нами внутреннюю душевную борьбу и распад человеческого сознания, является драгоценнейшим инструментом для исполнения тех театральных общественно-трагических симфоний, в которых наше сознание должно будет творчески и активно отражать современность.

А. ЛУНАЧАРСКИЙ.